

Болгарскія настроенія.

Письма въ редакцію.

I. О болгарскомъ нейтралитетѣ.

Съ первыхъ же дней настоящей европейской войны въ русскомъ обществѣ и печати разлались довольно дружные голоса о томъ, что Болгарія нравственно обязана съ оружіемъ въ рукахъ немедленно присоединиться къ Сербіи и Россіи противъ нѣмцевъ. Въ собраніяхъ и на банкетахъ „Общества славянскаго единенія“ и во многихъ органахъ печати тезисъ этотъ былъ формулированъ даже въ угрожающей по адресу Болгаріи формѣ. Было сказано даже, что если Болгарія не присоединится немедленно съ оружіемъ въ рукахъ къ Сербіи и Россіи,—она „должна будетъ исчезнуть съ лица земли, какъ измѣнница славянскому дѣлу“. Тѣ же слова и голоса зазвучали съ новой силой и сейчасъ, когда дѣло осложнилось еще выступленіемъ Турціи.

Мы очень хорошо понимаемъ, цѣнимъ и искренно раздѣляемъ тѣ чувства и побужденія русскихъ людей, которыми продиктованы ихъ выступленія. Еще больше понятны намъ эти побужденія *теперь*, когда на сцену противъ освободительницы Болгаріи—Россіи—выступила Турція, вѣковой врагъ и угнетатель славянства и тѣхъ же болгаръ въ особенности.

Но, къ сожалѣнію, вопросъ здѣсь не исчерпывается одними этими почтенными чувствами и побужденіями, и дѣло гораздо сложнее, чѣмъ думаютъ или хотятъ думать тѣ, кто съ такимъ легкимъ сердцемъ посылаетъ болгарамъ эти жестокіе упреки и эти недобрыя угрозы.

Нѣтъ, господа, вы не правы. Въ вашихъ совершенно справедливыхъ, на первый взглядъ, словахъ и сужденіяхъ была *не вся правда*, а только *половина* правды. А вѣдь сказать (или принять въ расчетъ въ своихъ сужденіяхъ) только половину правды, только ту ея часть, которая сейчасъ намъ нужна, умолчавъ при этомъ о другой ея половинѣ, намъ сейчасъ неподходящей, это равносильно вѣдь тому, чтобы

сказать прямую неправду. Недаромъ въ формулѣ французской судебной свидѣтельской присяги съ классической и лаконической простотой сказано: „обѣщаю сказать правду, *всю правду*, ничего, кромѣ правды“.

Вы совершенно упускаете изъ вида фактъ огромной важности: психологію и моральное (не говоря уже о физическомъ и матеріальномъ) состояніе, въ которомъ очутился въ результатѣ событій 1913 года и къ моменту начала новой европейской войны болгарскій народъ.

Мы не будемъ говорить сейчасъ о физическомъ и матеріальномъ истощеніи и угнетеніи, въ которомъ очутился послѣ двухъ войнъ и послѣ небывалаго по обстановкѣ разгрома болгарскій народъ. О степени этого истощенія можно было бы, между прочимъ, судить по изнемогающей сейчасъ Сербіи, несравненно меньше потерявшей въ первую и вышедшей побѣдительницей (а не разгромленной, какъ Болгарія) изъ второй балканской войны. Предоставимъ практическимъ политикамъ также и рѣшеніе вопроса о томъ, насколько политически возможно немедленное болгарское вооруженное вмѣшательство—теперь, когда несомнѣнные враги Болгаріи—Греція и Румынія—стоятъ, напригѣръ, еще нейтральными.

Почему бы, кстати, этимъ послѣднимъ не помочь Сербіи? Вѣдь они только въ прошломъ году вмѣстѣ громили Болгарію. Болгарія вмѣшательство въ этомъ не станетъ. Они вѣдь и сейчасъ еще состоятъ, кажется, съ Сербіей въ формальномъ союзѣ, направленномъ противъ Болгаріи.

По жестокому опыту 1912 и 1913 гг. Болгарія слишкомъ хорошо знаетъ теперь, кто диктуетъ послѣ войны условія мира и условія раздѣловъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда договоры, или по-теперешнему—„клячки бумаги“, объ этихъ раздѣлахъ скрѣплены королевскими клятвами и подписями и гарантированы великими державами. Болгарія слишкомъ хорошо знаетъ, что условія этихъ раздѣловъ диктуются послѣ войны не тѣми, кто, какъ она, положилъ, напригѣръ, въ войнѣ съ Турціей всѣ почти свои силы, а тѣми, кто, какъ Сербія и Греція, лучше сохранили къ концу войны эти силы, или тѣми, кто, какъ Румынія, сохранилъ эти силы къ нужному моменту совершенно нетронутыми. Вѣдь и теперь Болгарія боится, что Румынія и Греція, сохранивъ свои силы, пока Болгарія будетъ опять воевать, снова продиктуютъ условія мира и размежеванія на Балканахъ. Гарантія Россіи? Да, но послѣ прошлаго года обжегшійся на молокъ дуетъ и на воду. Да и могла ли бы и стала ли бы Россія послѣ настоящей великой войны вновь воевать изъ-за Болгаріи съ Румыніей или Греціей?

Но я не объ этомъ сейчасъ хотѣлъ говорить, тѣмъ болѣе, что особенности настоящаго историческаго момента отодвигаютъ или должны бы отодвинуть индивидуальныя интересы и личные корыстные виды и соображенія отдѣльныхъ славянскихъ государствъ—и особенно обязанной

Россіи Болгаріи—на второй планъ (хотя опять скажу: не Сербіи объ этомъ говорить). Я хотѣлъ сейчасъ только попросить васъ хоть на минуту выикнуть въ болгарскую психологію того момента, когда началась настоящая европейская война и когда впервые прозвучали обращенныя къ Болгаріи требованія, обвиненія и угрозы, о которыхъ мы здѣсь говорили.

Пишущій эти строки какъ разъ наканунѣ настоящей европейской войны провелъ двѣ недѣли въ Болгаріи. Будучи болгаринѣмъ по происхожденію, владѣя свободно болгарскимъ языкомъ и располагая въ болгарскомъ обществѣ широкимъ кругомъ знакомыхъ, я имѣлъ возможность близко ознакомиться съ положеніемъ и настроеніемъ на мѣстѣ болгарскаго общества и въ значительной степени простого болгарскаго народа.

Вопреки моимъ пессимистическимъ послѣ событій 1913 года ожиданіямъ и газетнымъ толкамъ я (по крайней мѣрѣ, въ неофициальной Болгаріи—въ широкомъ кругу моихъ здѣсь знакомствъ и встрѣчъ) совершенно не встрѣтилъ и слѣдовъ того обостреннаго руссофобства, о которомъ въ Россіи такъ много приходилось и приходится читать и слышать. Даже въ отношеніи Сербіи мнѣ высказывали здѣсь удивленіе, почему въ Россіи считаютъ, что Болгарія идетъ за нѣмцами и съ нѣмцами противъ Россіи и Сербіи. „Вѣдь даже теперь (говорили мнѣ), когда Сербія во второй уже разъ (послѣ 1886 года) такъ предательски съ нами поступила, мы никогда не пошли бы противъ нея, если бы на нее вдругъ напала Австрія (это было какъ разъ наканунѣ настоящей войны), такъ какъ мы очень хорошо знаемъ, что послѣ того, какъ нѣмецъ съѣстъ Сербію, очередь станетъ за нами“.

Къ сожалѣнію, другая половина моихъ пессимистическихъ предположеній и опасеній насчетъ народнаго настроенія и положенія въ Болгаріи болѣе чѣмъ оправдалась. Какъ я и ожидалъ, я засталъ тамъ въ результатъ пережитой катастрофы и крушенія (послѣ столькихъ жертвъ) величайшихъ народныхъ надеждъ такую въ общемъ *моральную подавленность* (не столько даже физическую и матеріальную, сколько именно моральную), что, уѣзжая оттуда, я испытывалъ тяжелое чувство и гнетущее сознаніе, что, если бы *даже жизненнымъ* интересамъ Болгаріи въ тотъ моментъ угрожала какая-либо серьезная опасность, болгарскій народъ не нашелъ бы въ себѣ въ этотъ моментъ достаточно вѣры и моральныхъ силъ, чтобы выступить активно на ихъ защиту. Чувствовалось такое абсолютное отсутствіе въ народѣ, такъ сказать, „воли къ войнѣ“, что развѣ только такое непосредственное нападеніе на Болгарію, какому подверглась Сербія со стороны Австріи, могло бы заставить народъ взяться за оружіе. Гдѣ же теперь болгарскому народу почерпнуть такую новую вѣру и энергію къ новому такому подъему? Если можете, помогите ему въ этомъ, найдите и покажите ему новый источникъ такой вѣры и энергіи.

Вѣдь если болгарскій народъ былъ въ состояніи проявить въ войнѣ съ Турціей такой высокій моральный подъемъ и вынести такое высокое напряженіе всѣхъ своихъ силъ, то вѣдь это могло случиться, только благодаря полной увѣренности его въ конечномъ успѣхѣ и непоколебимой вѣрѣ въ осуществленіи своихъ величайшихъ надеждъ, въ частности, *благодаря безусловному доврѣю къ подписямъ союзниковъ* на томъ „клочкѣ бумаги“ (союзномъ договорѣ о раздѣлѣ Македоніи), *которымъ было куплено участіе Болгаріи и весь энтузіазмъ болгарскаго народа въ войнѣ противъ Турціи.* Не трудно поэтому себѣ представить, какую глубокую душевную реакцію онъ долженъ былъ пережить, когда эта вѣра у него вдругъ исчезла, когда все вдругъ рухнуло, и всѣ колоссальныя по его силамъ жертвы оказались напрасными; когда Болгарія потеряла даже и то, что имѣла: лучшую часть своей старой коренной территоріи—Добруджу.

Въ этой моральной подавленности, растерянности и глубокомъ смущеніи, въ которомъ и сейчасъ еще стоитъ, какъ громомъ пораженный, недоумѣвающий болгарскій народъ, немалую роль играла, кромѣ внѣшняго разгрома, также и непонятная ему до сихъ поръ роль официальной Россіи, а за нею отчасти и вообще Россіи, въ которую онъ такъ привыкъ вѣрить и отъ которой онъ ожидалъ здѣсь *только одного—только гарантіи сербской вѣрности договору, безъ котораго Болгарія никогда бы на войну съ союзниками противъ Турціи не пошла.* Теперь, когда непоправимое совершилось, Болгарія ждетъ отъ своихъ судей только (или по меньшей мѣрѣ) безпристрастія и справедливости.

Болгарскій народъ, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ былъ не въ силахъ, былъ не въ силахъ просто *психологически*, не говоря уже о другихъ внѣшнихъ къ тому препятствіяхъ, сдвинуться со своей неподвижной позиціи. Вѣдь не забудьте еще, что все то, чѣмъ это вызвано, было только вчера, только въ прошломъ 1913 году, и что психологическіе процессы въ коллективной душѣ цѣлаго народа протекають крайне медленно.

Я только попрошу васъ представить себѣ, хоть на минуту, тѣ чувства и настроеніе, которыя должны были испытать и испытываютъ и посейчасъ къ сербамъ хотя бы тѣ же болгары-македонцы, которые дрались съ турками во Фракии: у Люле-Бургаса, на Чаталджѣ и у Булаира, которые плѣнили здѣсь Явера-пашу съ его арміей и проч. и затѣмъ, возвращаясь къ себѣ на родину, встрѣтили у порога ея—у границъ Македоніи—щетину штыковъ и стѣну окоповъ новыхъ враговъ, *измѣнившихъ договору* вчерашнихъ союзниковъ - сербовъ,—враговъ во много разъ для болгарской Македоніи болѣе страшныхъ и опасныхъ, чѣмъ Турція, ибо никогда еще за все время своего 550-лѣтняго владычества прежніе поработители Македоніи—турки—не посягнули здѣсь

на то (самое дорогое и святое для всякаго народа), на что сейчас же посягнули въ Македоніи новые ея владыки—сербы и греки: на народный болгарскій языкъ, на болгарскія школы и болгарскую церковь (на эзархистское болгарское священство). Но вѣдь это еще не все, къ чему привела въ концѣ-концовъ эта сербская измѣна союзному договору: въ союзѣ и заговорѣ съ греками, румынами и турками сербы отняли у болгаръ не только Македонію, но и болгарскую житницу—Добруджу и Оракію съ Адрианополемъ и Кавалу съ Эгейскимъ побережьемъ. И столь вліятельнымъ въ Болгаріи и болгарской арміи македонцамъ и македонской эмиграціи совсѣмъ не было нужды измѣнять славянству и Россіи или продаваться австрійцамъ, чтобы побудить и соблазнить царя Фердинанда (какъ это сдѣлали 16 іюня македонцы Ризовъ, Геннадіевъ и другіе) на то, чтобы силой заставить сербовъ подчиниться союзному договору. Это былъ, конечно, явно безумный шагъ.

Это было актомъ отчаянія, актомъ полной, вслѣдствіе вѣроломнаго сербскаго образа дѣйствій, потери душевнаго равновѣсія. Понимавшее все безуміе этого шага отвѣтственное болгарское правительство, безъ вѣдома котораго этотъ шагъ былъ сдѣланъ, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же остановило это объявленное безотвѣтственной кучкой возлѣ Фердинанда болгарское наступленіе на союзниковъ и обратилось къ Сербіи и Греціи съ просьбой сдѣлать то же самое. Но тѣ, кто только этого и ждали и такъ давно и хорошо къ этому приготовились, не вняли этому искреннему голосу болгарскаго правительства, и роковое совершилось.

А вѣдь понимавшее критическое въ этотъ моментъ положеніе Болгаріи (въ которое ее поставилъ сербскій отказъ отъ договора, подкрѣпленный еще заговоромъ и союзомъ съ Греціей и Румыніей) болгарское отвѣтственное правительство собралось, было, уже ѣхать на арбитражъ *даже безъ предварительнаго исполненія Сербіей требованія договора* объ эвакуаціи безспорно болгарской по договору восточной Македоніи и безъ допущенія Сербіей совмѣстной, впредь до рѣшенія арбитра, оккупациі средней, спорной по договору, Македоніи!

Можно ли было при такихъ условіяхъ требовать отъ Болгаріи въ отношеніи Сербіи чего-нибудь ббльшаго, чѣмъ нейтралитетъ? И то, что Болгарія единственно могла здѣсь дать—этотъ нейтралитетъ—она дала. Это прекрасно понимало лучше и больше, чѣмъ русское общество, освѣдомленное въ событіяхъ прошлаго года, русское правительство, которое ничего ббльшаго отъ Болгаріи, кромѣ лояльнаго нейтралитета, до послѣдняго времени и не требовало.

Кстати, любопытно было бы знать, какъ себѣ представлялъ уничтоженіе Болгаріи первый пригрозившій стереть ее (за этотъ нейтралитетъ) съ лица земли ораторъ на банкетѣ московскаго „Общества славянскаго единенія“, русскій генералъ Поповичъ-Липовацъ? Считалъ ли этотъ

„славянолюбивый“ ораторъ (кажется, сербъ или черногорець по происхожденію), что Болгарія должна будетъ быть цѣликомъ присоединенной къ Сербіи, или опъ думаетъ, что по примѣру перваго прошлагодняго раздѣла, славянская Болгарія должна быть, во славу славянства, вторично и уже окончательно раздѣлена между Сербіей и не-славянскими Греціей и Румыніей? (Турція на этотъ разъ изъ пайщиковъ, вѣроятно, была бы уже исключена.)

Конечно, мы первые порадовались бы, если бы болгарскій народъ, преодолевъ въ себѣ всѣ слишкомъ человѣческія чувства вообще и къ сербамъ въ частности, а заодно преодолевъ и всѣ другія къ тому внутреннія и вишія препятствія, пришелъ бы въ первые же дни настоящей войны на помощь своимъ „братьямъ“ сербамъ. Но вѣдь это—возможное, можетъ быть, для отдѣльныхъ лицъ, для коллективной народной души обыкновенныхъ людей—вещь почти невозможная.

Но, можетъ быть, будемъ на это надѣяться, новая фаза борьбы—выступленіе Турціи, дающее теперь возможность болгарскому народу приобщиться къ общему славянскому дѣлу въ иной формѣ, чѣмъ это было возможно до сихъ поръ (т.-е. уже не черезъ Сербію), поможетъ ему, въ концѣ-концовъ, преодолевъ въ себѣ и виѣ себя все то, что парализовало до сихъ поръ его болюную волю, его усталыя мышцы и опустошенную казну, и приобщить его къ совершающемуся великому общему дѣлу.

Какъ тяжело—увы!—и обидно сознавать и какъ трудно забыть, что, благодаря, съ одной стороны, тонкимъ кознямъ враговъ: нѣмцевъ, грековъ и румынъ, навстрѣчу славянской глупости, жадности и невѣрности, дѣло, которое должно было стать дѣломъ величайшаго славянскаго торжества, славы, единенія и могущества, обратилось въ дѣло величайшаго славянскаго позора, униженія, раздора и слабости.

Или, можетъ быть, мы, основываясь здѣсь въ своихъ разсужденіяхъ на пдеѣ славянства и общности его интересовъ, заблуждаемся и докнихотствуемъ, и гораздо болѣе правы, можетъ быть, здѣсь тѣ, кто откровенно говорятъ, что славянство и общность его интересовъ—вздоръ и ложь, которою болѣе ловкіе пзъ тѣхъ же славянъ только искусно прикрываютъ своекорыстные и чисто индивидуальныя интересы своихъ отдѣльныхъ славянскихъ національностей, что интересы, напримѣръ, Россіи и Болгаріи [какъ откровенно говорятъ иногда въ болгарскомъ парламентѣ] ¹⁾—несовмѣстимы другъ съ другомъ или (какъ говорили не разъ въ русской печати тѣ, кто оправдывали этимъ русскую под-

¹⁾ Эта статья была уже написана, когда выяснилось, что телеграмма петроградскаго агентства изъ Софіи, передавшая рѣчь Гениадіева въ народномъ собраніи, была передана ошибочно: слѣдовало читать, что онъ: „не признаетъ интересовъ Болгаріи и Россіи несомвѣстимыми“. Это подчеркнутое *не* въ телеграммѣ было вышучено.

держку въ 1913 году сербской измѣны договору) что Россіи нужна великая и сильная Сербія и слабая маленькая Болгарія?

Во всякомъ случаѣ я всетаки полагаю, что истина и искренность, какъ и всегда, могутъ только помочь дѣлу и могутъ быть только полезны всѣмъ. По мѣрѣ своихъ силъ, знанія и пониманія дѣла я и старался здѣсь содѣйствовать этой истинѣ и выясненію ея. Если же я при этомъ погрѣшилъ иногда слишкомъ острымъ выраженіемъ или впалъ гдѣ-либо въ ошибку, то да простится мнѣ это.

Скажутъ, можетъ быть, что и пишущій эти строки тоже пристрастенъ. Можетъ быть,—судить не мнѣ. Но въ Россіи такъ много пишется каждый день ультра-пристрастнаго и несправедливаго *противъ* болгаръ, что не бесполезно и не грѣхъ уже по одному этому выслушать нѣсколько хотя бы и не вполне безпристрастныхъ словъ *въ пользу* болгаръ.

Сем. Волчановъ.

II. Голосъ македонца.

Милостивый Государь

Петръ Бернгардовичъ!

Въ ноябрьской книжкѣ *Русской Мысли*, въ статьѣ Викторова-Топорова „Балканскія настроенія“ и вашей замѣткѣ къ ней видно доброе желаніе освѣтить темныя стороны печальной балканской разрухи и попытаться разобраться главнымъ образомъ въ сербо-болгарскомъ спорѣ. И, какъ всегда при этомъ, г. Топоровъ сбивается въ концѣ-концовъ на пресловутый македонскій вопросъ, разбираетъ детально будущія болгарскія границы. Въ своей замѣткѣ вы вѣрно указываете на необходимость считаться и съ другой, т.-е. съ сербской, точкой зрѣнія... но вѣдь обѣ „оріентаци“ (сербская и болгарская) взаимно исключаютъ одна другую, и всякое глубокое и вдумчивое изученіе вопроса неизбежно приведетъ къ заключенію о необходимости совершенно новаго и радикальнаго разрѣшенія спора, такъ сказать, къ третьей, чисто-македонской, точкѣ зрѣнія, а именно, не дѣлать изъ несчастной страны арену борьбы партій всѣхъ многоцвѣтныхъ балканскихъ національностей, кривить и перекривать между Сербіей, Болгаріей и Греціей ея предѣлы, такъ какъ аппетиты балканскихъ (всѣхъ) шовинистовъ безпредѣльны; если вы будете разбираться въ „патріотической“ литературѣ этихъ господъ, то увидите, что компромиса между ними быть не можетъ, развѣ временное соглашеніе впредь до новаго очереднаго междоусобія: въ самомъ дѣлѣ, болгарскіе патріоты считаютъ, какъ извѣстно, своимъ не только всю Македонію, но и юго-востокъ Сербіи въ старыхъ границахъ, т.-е. Пиротъ, Вранье и пр., чуть ли не Нишъ; сербы съ